

DOI: 10.15372/HSS20180308
УДК 861.161.1"15"

Л.И. ЖУРОВА

ПЕРЕПИСКА ПУБЛИЦИСТОВ КАК ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в.*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Особенностью истории переписки публицистов XVI в. стал тот факт, что до нас большей частью не дошли провокативные письма. На основе анализа посланий Максима Грека, Федора Карпова, митрополита Даниила определено признаковое пространство их интеллектуальной идентичности. Близость взглядов и позиций Максима Грека и Федора Карпова по вопросам правды и справедливости в обустройстве общества, сходство в стремлениях поддержать монархический тип правления, склонность к утопическим проектам в политической организации власти, проявление гуманистических подходов в решении ряда общественных проблем, а также сохранение чувства собственного достоинства в ситуации разmolвки объединяют участников переписки в элитарную группу Московской Руси. Отношение к слову как целебному средству – одна из доминант идентичности Максима Грека и Федора Карпова. В посланиях митрополиту Даниилу оба публициста независимо друг от друга выступили в положении «свой» – «не свой».

Ключевые слова: послания, публицистика XVI в., Максим Грек, Федор Иванович Карпов, митрополит Даниил, интеллектуальная идентичность.

L.I. ZHUROVA

CORRESPONDENCE OF THE PUBLICISTS AS AN EXPERIENCE OF FORMING INTELLECTUAL IDENTITY IN MUSCOVIA OF XVI CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolayeva str., Novosibirsk, 63090, Russian Federation

The popularity and relevance of letters in XVI century publicism resulted from the fact that during the establishment stage of the Russian autocracy the word became an effective tool for defending opinions, ideas and conceptions. Letters as an epistolary genre transformed into a correspondence between famous people of elite communities – civil and religious. The most peculiar thing in its history is that most of provocative letters did not survive to nowadays. The contacts between Maximus the Greek and Fedor Karpov were documented by the correspondence which transformed from personal communication into the fact of political and church life, and a mark of mental strivings and ideological trends of the epoch. The analysis of correspondence concerning the acquaintance of two vivid personalities has shown that the mutual understanding was based on the correlation of inner world parameters of an educated monk and a man of education at Muscovia court. Disagreements and reconciliations, quarrels and understanding are represented in the correspondence of publicists, which preserved the memory of individual personalities. Dialogues between Maximus the Greek and Fedor Karpov were rich in topical issues (discussion of theological doctrine about a Sacred Trinity, the role of predictive astrology). Despite the friendly relationships, they often polemicized. Clear position of Saint Paisios, systematic representation of facts, deep knowledge of the object of discussion and the affective tone of utterance were food for Russian diplomat's thoughts. Treating a word as a cure is one of the dominant features of Maximus the Greek and Fedor Karpov's identity. Both publicists in their letters to Metropolitan Daniel independently of each other took the position of "native" – "non-native". Closeness of views and positions of Maximus the Greek and Fedor Karpov upon the question of truth and justice in the society organization, similarity of intentions to support the monarchy, tendency to utopian projects of government political organization, and humanist approach to the solution of several social issues altogether comprise a characteristic field of group intellectual identity of publicists in XVI century. From the point of view of dynamic relations, both personalities took leading positions in the correspondence, and their common efforts produced rules and regulations of Muscovia intellectual elite identification in the first half of XVI century.

Key word: messages, journalism of the XVI century, Maxim Grek, Fedor Ivanovich Karpov, Metropolitan Daniel, intellectual identity.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094а.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.
Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

Популярность и востребованность посланий в публицистике XVI в. обусловлена тем, что в эпоху становления самодержавия в России слово стало действенным орудием в борьбе мнений, идей, концепций, эффективным средством полемики и назидания. В одном из своих сочинений Максим Грек, подводя некоторые итоги своего творчества, определял собственные обличительные сочинения как «непобедимое оружие, которым можно заградить уста скверных»¹. Послания как эпистолярный жанр, безусловно, складывались в переписку. Особенностью ее истории стал тот факт, что она часто представлена неполно: как правило, не сохранилось письмо, ее инициирующее, выполняющее провокативную функцию. Известны случаи, когда ответное послание построено на делиберативном вопросе, например, послание Максима Грека Николаю Булеву [1, с. 133]. Переписка – активный коммуникативный акт, обнаруживающий параметры идентичности, динамические отношения между «я» и «другим», «своим» и «не своим». И в качестве объекта научного исследования «... дневники, письма, автобиографические материалы, продукты эмоционально-творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а благодаря своей субъективности...» [2, с. 6].

История складывавшихся на протяжении ряда лет отношений двух ярких личностей Московской Руси первой половины XVI в. – ватопедского монаха, приглашенного великим князем для перевода греческих книг, Максима Грека и русского дипломата, одного из образованнейших людей своего времени Федора Ивановича Карпова – служит основой для изучения групповой идентичности в эпоху русского Средневековья как научной проблемы. Они оба были публицистами и переводчиками и находились в одном сегменте культурного и географического пространства – в Московском Кремле (Максим Грек жил в Чудовом монастыре) и, безусловно, оказывали большое влияние на формирование интеллектуальной среды столичного общества.

В рукописном наследии Максима Грека большая часть посланий приходится на ранний период его творчества в России (1518–1525 гг.). В основном они связаны с именем Федора Ивановича Карпова – дипломата, окольничего [3, с. 123–128]. Общение этих двух ярких личностей известно по переписке. «Их беседы, – писала Н. В. Сеницына, – оформлены в послания, которые почти сразу превращались из акта личного общения в факты церковно-политической жизни и показатель умственных исканий и идейных течений своей эпохи, становились достоянием достаточно широкого круга читателей» [3, с. 123].

В исследованиях часто ссылаются на примечательный случай, рассказанный Федором Карповым [4,

с. 340–342] и послуживший началом его активного общения с Максимом Греком. Это пример живой памяти индивидуальной личности, который позволяет проследить историю складывания идентичности малой группы. К Федору, стоявшему в церкви Святого Николая в Москве, обратился священник этого храма Стефан с вопросом, знает ли тот о послании инока Максима к Николаю (Николаю Булеву), и показал «бумажку» с текстом², в котором изложено суждение о трех лицах Троицы. Служителя храма смутило одно из положений сочинения: Отец «ни от Себя, ни от иного бытие имеет», и Карпов его успокоил: «Перестань, Стефан, не сможешь оспорить его, я знаю Максима, он не пишет без знаний святого Писания, а заимствуя их, передает нам». В этом ответе следует обратить внимание на свидетельства: «я знаю Максима» и оценку: автор сведущ в богословии. Заключение Карпова, безусловно, основано на его знакомстве с трудами Святогорца, примером может служить первое антилатинское послание, адресованное Карпову, в котором Максим Грек обличает учение Николая Немчина (Булева) о Святой Троице [1, с. 171–198]. В своих первых полемических сочинениях Святогорец опирался на библейские цитаты, апостольские послания и произведения святых отцов, и они заняли большое пространство в авторском тексте.

История с «бумажкой» имела продолжение. Федор Карпов, «бумажку ему в руках имея», обратился с ней к Власию, помощнику Максима в переводческой деятельности, которого он случайно встретил на великокняжеском дворе. Толмач предложил посоветоваться с самим ученым греком, но русский дипломат рассудил: «Чего ради буду утруждать его из-за попа, давшего бумажку, и решил, что тому несерьезно с Максимом сязаться».

Дальнейшие события развернулись таким образом: Власий, видимо, не совсем точно передал ученому греку состоявшийся разговор, и «Максим, инок Святой Горы» написал короткое письмо «господину Федору Ивановичу Карпову», в котором обвинил адресата: «что укоряешь меня, как нелепо мудрствующего», а приведенный догмат о Троице, указывает инок, принадлежит Григорию Богослову, и Федору следовало бы знать святых отцов. Заканчивает Максим епистолию в раздраженном тоне: «Перестаньте хулить на Бога, не имея знаний, и нас несправедливо укорять, более и того и других научите, чтобы не покрывали нас хульным именем, которое вами провозглашено».

Ответ Федора Карпова выдержан в формате эпистолярного жанра и дипломатического тона, начинается с приветствия: «Господину Максиму инок Федор Иванов, сын Карпов, челом бьет» и заканчивается добрым пожеланием: «Здрав будь во спасении» и упреком: «хотя нам поздравления не написал». Содержанием письма стал рассказ о встрече со Стефаном, изложенный выше. Примечательны два момента.

¹ «Ответ вкратце к Святому собору о том, в чем оклеветан». – Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцев. № 264. Л. 289.

² Это было послание Максима Грека Николаю Булеву [1, с. 133–138].

Во-первых, Ф. Карпов тоже отвечает Максиму в коррильном тоне: «Не подобает тебе, о философ, прежде суда судить и корить нас, не слыша из наших уст» – и предлагает вспомнить евангельскую цитату: «Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен» (Ин 5:30). Во-вторых, он четко обозначил позицию человека, сохранившего собственное достоинство: «Скажу тебе без обид, не следую какому-то мнению, но истине повинуюсь. Каков я есть, таким и хочу тебе представиться: не прибегаю я к лицемерному образу». Искренним и правдивым до конца жизни оставался и Максим Грек. Безусловно, это общая нравственная позиция способствовала сближению двух неординарных и непохожих личностей – ватопедского инока и сугубо мирского человека, грека и русского православного. Конфликт поспособствовал открытию внутреннего мира его участников и обнаружил родство душ, высокий уровень интеллекта.

Максим Грек ответил примирительным посланием [1, с. 143–144], в котором этикетные формулы сыграли свою церемониальную роль и помогли наладить дружеские контакты между собеседниками. В прескрипте: «Господину моему Феодору Ивановичу Карпову Максим инок радоваться о Христе!» местоимение «моему» вписано над строкой в основном списке ГИМ. Синод. собр. № 791. Середина XVI в. Л. 123 об., а в списке РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 4025. Конец XVI в. Л. 124 об. оно пропущено. Трудно сказать, было ли это определение в оригинале. Вероятнее всего, оно отражает восприятие русскими книжниками отношений между известными авторитетными личностями. Главное, достигнутое взаимопонимание построено на совпадении параметров внутреннего мира просвещенного грека и московского интеллектуала. Инок Максим обращается к Федору Карпову в посланиях: «твоя светлость», подчеркивая тем самым его высокое положение и свое уважительное отношение. Эпистолии Федора он называет «честными грамотами», хвалит за смелость: «То, что ты нам дерзновенными письмами и непостыдно отвечаешь, я хвалю, радуюсь и принимаю как истинную благу смелость». Вот эта оценка дерзости и смелости, которые помогают установить истину, означает и принятие Максимом Греком личности, схожей с ним по нормам этического поведения, объединенной общим интересом к знаниям, близкой по общечеловеческим ценностям. Ученый монах признается: «Я не только не уязвлен обличениями ответа твоего премудрого, но и испытал благодать от твоего благого совета, который прежде и сам знал, и готов повиниться перед тем, кто известил меня о достоверных событиях». И в конце этого короткого послания Максим приносит извинения: «Прости по дружески, что пострадал от меня, и дальше пиши мне с дерзновением и спрашивай, и то, что потребуешь, получишь от меня и послушаешь обо всем». Примечателен постскрипт Максима Грека: «А философом Бога ради не зови меня, я инок, больше всех невежа». Это не только самоуничижительная формула, но и знак дружеского предрасположения к Федору Ивановичу.

Сам факт примирения, обмен любезностями подчеркивает соответствие поведенческих норм двух незаурядных натур. Максим Грек, ватопедский монах, человек византийской культуры и европейской образованности, и Федор Карпов, выходец из старинного княжеского рода, потомок тверских бояр, перешедших на московскую службу, русский дипломат (специалист в первую очередь по восточному вопросу, крымским делам), – люди разной социальной общности, но близкие по интеллектуальной культуре, духовному миру. Они умеют общаться на тонком уровне психозитических связей сильных личностей: упрекнуть и попросить прощение (Максим Грек), встретить упрек и защитить свое достоинство (Федор Карпов). Так формируется общность, конституируется идентичность, складывается интеллектуальная элита. Размолвки и примирения, споры и соглашения представлены в переписке публицистов.

Максим Грек адресовал Ф.И. Карпову четыре пространственных послания просветительского характера, в которых он полемизирует с Николаем Немчиным. Первое антилатинское сочинение, посвященное догмату о Святой Троице, *filioque*, он пишет между июлем 1521 – декабрем 1522 г. [1, с. 35, с. 171–198] в ответ на письмо дипломата: «Известна мне твоя краткая эпистолия, ко мне написанная, о пречестнейший и превозлюбленнейший господин Федор, духовною сладостию наполненная и напитанная». Святогорец не скупится на величания и похвалы своего адресата: «в православии знаменит и многим разумом воистину украшен». Он обращается к нему: «о прелюбезнейшая моя глава», «о премудрый Федор», «господин Федор». Концовка обширного трактата свидетельствует о надежде на взаимопонимание: «На этом первую часть слова заканчиваю, которую твоя светлость примет и прочтет, и если что доброе в ней есть, то найдет».

Диалоги между Максимом Греком и Федором Карповым были богатыми по содержанию. О них мы можем судить по посланиям ученого грека, в которых есть ссылки на несохранившиеся письма дипломата. Видимо, несмотря на дружеское расположение, они часто полемизировали. Так, во втором послании против астрологии [1, с. 301–334], которое Н.В. Синицына датировала сентябрем 1523 г. – февралем 1524 г. [1, с. 35], Максим Грек упрекает Федора Карпова в его увлечении астрологией: «Прочел твое послание ко мне, господин Федор Карпов, и удивился разногласию в твоих словах, изложенных нехорошо, недостойно твоему благочестию и разуму, о которых у меня было благое мнение». Обращает на себя внимание почти официальное обращение – «господин Федор Карпов», которое диссонирует с апеллятивами предыдущих посланий. Оно отражает эмоциональное настроение монаха, раздраженного и возмущенного «восстанием против разумений Церкви» своего друга. Ссылаясь на свое первое послание против астрологии [1, с. 255–294], Максим Грек упрекает Федора в том, что тот «не мог уразуметь его», в котором «уже изблещили обман лести звездозрительной» (учения астрологов). О содер-

жании краткой эпистолии Федора можно судить по словам Максима Грека: «Ты же, не знаю откуда, приводишь необычные и неприемлемые отеческим уставом неприятные хитрословия лакедемонские³». Не вдаваясь в проблемный анализ послания, отметим, что его большим достоинством является четкость позиции Святогорца, системность изложения аргументов⁴, глубокие знания предмета дискуссии и эмоциональный тон высказывания, который обеспечивает читательскую рецепцию.

Рассматривая опрос об идентичности Максима Грека и Федора Карпова, обратим внимание на выстраивание динамических отношений в дискуссии. В конце послания афонский монах определяет дистанцию между собой и своим собеседником, которая свидетельствует о серьезной размолвке. От интонации дружеской беседы он переходит на тон публицистического полемического трактата, используя местоимения множественного числа «мы–вы», указывающие на поляриность позиций: «Писали тебе с духовной любовью, собрав свидетельства от боговдохновенных Писаний... и не для того, чтобы показать свою премудрость или отвлечь тебя от словесных учений... а посчитали несправедливым молчать о зле, которое они несут внимающим ему... Вы же, не знаю на каком основании, настроились неблагоприятно к эпистолиям и нас не поленились несправедливо оклеветать, как будто мы стараемся отвести вас от познания полезных учений, и с большим невежеством и неистовством осуждаете нас во всем вашем послании, в котором повелеваете прилежнее понимать приводимые вами изречения святых». В изложении Максима Грека текст Федора Карпова представлен как дерзкое обвинение. Так ученый монах воспринял послание светского лица. Вероятно, тон и стиль краткой эпистолии русского дипломата были достаточно корректны, но слишком болезненная тема вызвала бурную реакцию инока Афонской Горы. Заканчивает Максим Грек свое послание твердым заключением: «Ныне вы дурно понимаете и развращаете согласно вашему мудрованию сказанное святыми, надеясь оправдаться в своем грехе; когда сможете его осознать, тогда, может быть, безуспешно восплачете».

Очень важна авторская позиция, четко сформулированная иноком: «Я незапятнен вашей кровью, сказал все, что мог, и с этого момента пусть никто мне не досаждают». Значит ли это, что Максим Грек разрывает отношения с Федором Карповым? Клаузула «Здравствуй о Господе и истину познавай», которая содержит пожелание здоровья (помним, что Карпов в первом своем послании упрекнул инока, что тот не пожелал ему здоровья), все-таки оставляет надежду на продолжение общения.

³ Лакедемонский – основанный на честолюбии.

⁴ Среди них упоминание победы Дмитрия Донского: «Великий князь Дмитрий Донской, который бесчисленное множество воинства безбожного Мамаю погубил, какими звездными гаданиями истребил безбожных?... оградив себя щитом веры, сразился с мучителем и предал его истреблению». Это примечательный и уникальный пример знаний ученого грека русской истории.

К факту переписки Федора Карпова и Максима Грека исследователи относят сочинения, в которых обсуждается тема Левиафана. Большое распространение в книжной культуре имело Послание Федора Карпова Максиму Греку с вопросами о Третьей книге Ездры [4, с. 344–347]. Инскрипт эпистолии («Возлюбленному во Христе и честнейшему господину Максиму, инок Ватопедского монастыря, Федор Иванов, сын Карпов, бьет челом») и клаузула («Будь здоров ради Христа и Федора, друга своего, как и до сих пор, любя. И когда-нибудь, в подходящее время, об этих вопросах моих мне напиши») свидетельствуют о добрых отношениях между Максимом Греком и Федором Карповым. Послание Ф. Карпова характеризует его как интеллигента русского Средневековья. Сомнения, пытливость преодолевают творческую личность. Федор Карпов в самом начале своего письма формулирует свою позицию о роли знания в жизни размышляющего человека: «Кажется мне, отче, что не следует непонимающему стыдиться того, чего он не понимает, но надо признаваться о незнании своем знающим людям, ибо я не вижу ничего предосудительного или противного разуму в том, чтобы мудрых спрашивать, чтобы они добрый совет дали и незнание в знание превратили, а томящуюся мысль вполне успокоили».

Свои вопросы Карпов предваряет пространной преамбулой, в которой заключена мотивация его обращения к ученому греку и описано душевное состояние автора: «Я же теперь изнемогаю умом, в глубину впал сомнения, прошу и умоляю, чтобы ты мне что-нибудь *целебное* (курсив мой. – Л.Ж.) насыпал и мысль мою успокоил. Хотя я и досаждаю тебе стесняюсь, но молчать не в силах: ведь не молчит во мне смущенная моя мысль...». «Томящаяся мысль», «смущенная мысль», «изнемогающий ум» – ключевые слова, создающие портрет пытливого человека. К такой личности обращены сочинения ватопедского монаха. Так, в предисловии к своему авторскому кодексу (Иоасафовское и Хлудовское собрания сочинений), который Карпов уже не увидел, Максим Грек сформулировал замысел своего грандиозного труда: «наставление всякое, направляющее читателя на путь добродетелей... хранилище духовное, наполненное благодатью и *духовными исцелениями* (курсив мой. – Л.Ж.)» [5, с. 49]. Слово как целебное средство – одна из доминант идентичности Максима Грека и Федора Карпова.

Дипломат задал иноку два вопроса, которые возникли у него к тексту Третьей книги Ездры: «Первый мой вопрос: Божественное Писание говорит о бесчисленных водах под землей в безднах и на земле, в морях и озерах, и реках, также и на тверди небесной. Так ли об этом следует нам понимать?»; «отче, умоляю твою честность объяснить вот что: о воде и о земле, и Енохе, и о Левиафане, и причислен ли Ездра к пророкам – ведь он пишет о Христе довольно ясно, не образно и не загадками, но прямо сообщает?». Как видим, вопросы обширные. Заканчивает свое послание Карпов словами благодарности: «За сим, почтенный отче, при-

ношу честности твоей благодарность бесконечную за заботу твою; все время ты меня со святыми писаниями посещаешь и печаль мою утояешь». Следовало бы ожидать, что Максим Грек даст подробные ответы на поставленные вопросы.

В качестве ответа Карпову рассматривают небольшой текст, известный в рукописной традиции под названием «О Левиафане» [1, с. 335–336]. В рукописной традиции он сохранился в контексте с посланием Федора Карпова Максиму Греку о Третьей книге Ездры [1, с. 337–339, 483–485; БЛДР, с. 344–347], находясь в поздних списках: самый ранний – ГИМ. Чудовское собр. № 236. Л. 286–288 об. датируется концом XVI в., остальные относятся к XVII–XVIII вв. Текст включен книжниками Свято-Троицкого монастыря в состав Троицкого собрания (РГБ. Ф. 304. № 200. Л. 420 об.–421 об.), а оттуда был заимствован составителями Поморского кодекса. Имя Максима Грека как автора сочинения указано только в списке первой четверти XVII в. – РНБ. Соловецкое собр. № 7/7. Л. 530 об.–534 об. Оно, как считала Н.В. Синицына, было перенесено из послания Ф. Карпова [1, с. 483]. Статья «О Левиафане» в науке представляется как ответное послание Максима Ф. Карпову [1, с. 480–482]. Основными аргументами в пользу такого утверждения служит тематическая связь между ними и их бытование в книжной культуре в виде рукописного комплекса.

Статья Максима Грека «О Левиафане» не содержит признаков жанра послания, т.е. в ней нет обращения к адресату и этикетных эпистолярных формул. Содержанием стали рассуждения о природе чудовища, и на основе Священного Писания сделано заключение: «Левиафан – главный дьявол, низверженный с небес, или сам ставший змеем, или в змею вселившийся, чтобы своими лукавыми искушениями наших бедных родителей и их потомков свергнуть в вечное падение».

Таким образом, данное сочинение Максима Грека не содержит ответы на все вопросы Карпова. Трудно представить, чтобы ученый монах мог их проигнорировать. Вероятно, ответное послание Святогорца до нас не дошло, или Максим Грек не успел написать своему другу в силу сложившихся обстоятельств (например, организации судного дела над ним в мае 1525 г.), или позже составил текст, в котором дал ответ лишь на один из вопросов Карпова.

Послание Карпова о Третьей книге Ездры имело более широкое распространение в книжной культуре, чем статья «О Левиафане». Кроме тех рукописей, где оно помещено вместе с «ответом» Максима Грека. Это сочинение, во-первых, сохранилось в сборниках смешанного состава и бытовало самостоятельно, во-вторых, включено в устойчивый комплекс статей, в который входит знаменитое Лаодикийское послание Федора Курицына. Таким образом, расхождение в истории рукописной традиции этих двух сочинений могут свидетельствовать о разновременности их создания, и может быть поставлен вопрос об атрибуции «ответа» Святогорца. Но сам факт обращения Федора

Карпова к Максиму Греку за толкованиями библейского текста свидетельствует о поисках мировоззренческой ориентации интеллектуального сообщества.

Чтобы корректнее определить особенности идентичности Максима Грека и Федора Карпова, необходимо ввести еще одну фигуру, связанную с судьбой и рукописным наследием этих писателей. Митрополит Даниил был адресатом их посланий, и оба публициста не состояли с ним в дружественных отношениях: Максим Грек по инициативе Даниила был дважды осужден, Федор Карпов вел с митрополитом довольно жесткую, но корректную полемику. Максим Грек обращался к главе Русской церкви с примирительным посланием [6, с. 136–145], но определил свои отношения с архипастырем в парадигме «я» и «чужой».

Послание Ф.И. Карпова митрополиту Даниилу [4, с. 346–359] составляет еще один пример переписки в русской средневековой публицистике. Сочинение дипломата сохранилось в единственном списке – в рукописи РНБ. Q.I.1439, 60-е гг. XVI в., л. 314–329 (рукопись описана и опубликована [7, с. 19–114]), в состав которой вошел эпистолярный свод митрополита Даниила. Послание Карпова, помещенное сразу после последней статьи архиерея, замыкает комплекс посланий. Сам памятник стал предметом исследования историков, изучавших его идейный замысел [8, 9].

Послание митрополиту обращает внимание филологов своей архитектурой. Оно составлено из четырех неравных частей: пространное вступление, ответ на якобы заданный Даниилом вопрос, «новое» (о лести и лукавстве) и концовка. Всеми исследователями отмечена пышная похвала Даниилу в начале послания. Е.Н. Кимеева считала, что она «проникнута едкой и тонкой иронией» [8, с. 225], А.А. Зимин писал, что так «автор воздает должное писательскому таланту и учености Даниила» [9, с. 165]. А.И. Клибанов в неумеренной похвале адресату видел «память обращения и посвящения, которыми сопровождали западноевропейские гуманисты сочинения, представляемые ими на благоусмотрение высокопоставленных меценатов» [10, с. 217].

Сопоставление приветствий Максиму Греку и Даниилу, составленных Карповым, приводит к заключению о доле в них авторской искренности, церемониальности, частных форм общения, что позволяет определить осознание Федором Ивановичем своей идентичности с адресатами. Краткие обращения к ученому ватопедскому иноку наполнены глубоким уважением и чистосердечной признательностью, несмотря на возникавшие по недоразумению разногласия. Многочисленные велеречивые обороты, направленные в адрес митрополита, этикетные по своей природе, создают картину, в которой уверения в любви («не истощится в сердце моем любовь, и голос не устанет от похвалы») и самоуничижения («твое учение светлое темного Федора просвещает», «сочинение мое неученое для твоих ученых ушей...») наряду с высокими похвалами («Ты светильник горящий..., ты благовонный цветок... ты жемчуг среди всех благ... ты свет среди

учителей... ты – уста Христовы... ты глас небесный... ты проповедник жизни...» выдержаны в церемониальной стилистике дипломатической речи. Даниил – начитанный книжник, яркий проповедник, но он не был ученым, и похвальные словеса Федора – литературный прием, который должен смягчить его полемику с митрополитом.

Основная часть Послания Карпова диссонирует с обширным вступлением. Карпов построил свой текст как ответ на архипастырское наставление быть стойким в терпении: «Своими речами ты великодушно просишь меня быть до конца терпеливым в печалях и несчастиях моих». Такая формулировка в духе стилистики слов Даниила⁵. Но она сподвигла Федора Карпова поставить принципиально важный вопрос общественного звучания, который придал сочинению Карпова публицистический характер: «для устойчивости дела народного или царства, или власти важнее правда или терпение?».

Послания Даниила, как правило, не имеют имен адресатов, поэтому определить текст, на который ссылается Карпов, непросто. Эпистолярное наследие московского митрополита сохранилось в виде двух рукописных сводов (РНБ. Q.I.1439, в него входит 23 послания, и РНБ. Собр. Погодина. № 1149, составленное из 14 посланий) и нескольких сочинений в составе сборников смешанного содержания (7 посланий). Среди них нет текста, напоминающего источник, процитированный Карповым. Может быть, он да нас не дошел. Но главное то, что вопрос, который формулирует Карпов, – не в духе и не в стиле митрополита. Ни в одном из его сочинений нет слова «народ», тема власти, изложенная в восьмом Слове «Соборника» Даниила – «Как подобает иметь послушание и честь к властям»⁶ – трактуется митрополитом в духе апостольских посланий: следует покоряться, а не противиться властям, Божию волю творящим.

О терпении митрополит пишет часто, но в одном контексте: смирение, кротость. Например, начало статьи «Живущим в искушениях» характерно для проповедей Даниила: «Если хотим добиться милости Божьей, то давайте будем тихими, кроткими, смиренными, милостивыми и возлюбим трудное и тяжкое житие, и не отчаемся в напастях, но проживем благочестиво по заповедям Господа и тогда сможем вытерпеть искушения, осознать грехи. Если согрешили, то плачем, стенаем, рыдаем, молим Бога, раскаиваясь, надеясь, что Он не отдаст нас на отмщение и на злодеяния врагов, с большим терпением перенося все, с нами происходящее»⁷. О правде как социально-нравственной категории у Даниила нет самостоятельных суждений. Поэтому проблема, поднятая Федором Карповым, выходит за рамки творчества московского митрополи-

та, церковного публициста, который в основном ставил вопросы нравственного богословия и не обращался к гражданским темам.

Ф.И. Карпов рассуждал о вреде терпения в вопросах государственного устройства: «Если мы скажем, что терпение важнее для сохранения власти или царства, тогда напрасно составлены законы. Тогда обычаи священные и хорошие установления будут разрушены и в царствах, и в городах, общество человеческое придет в беспорядок». Ф.И. Карпов отстаивал правду как социально-идейную ценность, ссылаясь на Аристотеля: «всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми». Публицист считал, что терпение должно иметь разное значение в жизни духовного лица и мирянина, и он не отвергал терпение, но показывал, «насколько необходимы во всяком государстве правда и закон для исправления бесчинных». Подробный анализ его идейных взглядов сделан А.А. Зиминим и А.И. Клибановым, цель нашей работы – найти точки пересечения воззрений Федора Карпова и Максима Грека, светского писателя и ученого инока. В синхронном измерении удалось разграничить участников переписки на «своих» – Максим Грек и Федор Карпов и «чужих» – митрополит Даниил.

Тема правды неоднократно обсуждалась Максимом Греком. В Иосафовском собрании он поместил рядом три сочинения, в которых тем или иным образом изложил свою точку зрения на проблему. Они стали программными в представлении его общественно-политической позиции. Так, в «Слове к начальствующему на земле», обращенном к Ивану IV, он писал: «Если возлагаешь все свое упование на заповеди Его, законом обустройства вверенное тебе царство и всегда осуществляешь суд и правду на земле, то блажен и треблажен будешь не только в будущем, но и в настоящем»; «ничем другим не можешь ты благоугодить Богу и привлечь Его милосердие и благодеяния на твою богохранимую державу, как только правдою к подчиненным и праведным судом, а также щедротами и кротостью ко всем неимущим» [5, с. 248]. В «Главах поучительных к начальствующим правоверно» ученый грек так сформулировал одно из своих положений: «Ничего нет более потребного и нужнейшего благоверно царствующему на земле, как правда» [5, с. 254]. В «Слове, пространно излагающем с жалостью нестроения и бесчиния царей и властей последнего сего века» из уст Василии, имя которой означает, по ее словам, – «и начальство, и власть, и владычество, и господство», плачущей вдовы звучит важная сентенция: «где есть правда, там всяко и мир приумножается» [5, с. 266].

А.И. Клибанов, проанализировав «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова как памятник общественной мысли, пришел к выводу о гуманистических воззрениях автора, ратующего за «монархическое государство, основанное на законе, правде и милости» [10, с. 213]. Суть концепции Карповым кратко сформулирована так: «Милость без правды есть мало-

⁵ С подобными советами Даниил обращался к Дионисию Звенигородскому. – См РНБ. Q.I.1439. Л. 200 об.–209.

⁶ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 173. Собр. МДА/1. № 197. Л. 238 об.–277.

⁷ Текст цит. по рукописи: Российская национальная библиотека (РНБ). Q.I.1439. Л. 211 об.–212.

душество, а правда без милости – мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие». Политический идеал Карпова, писал Клибанов, – «монархия, управляемая законом общей пользы, на страже которого стоит монарх, его правители и судьи», но идеи публициста, отметил исследователь, носят социально-утопический характер [10, с. 217].

Мы не знаем, обсуждали ли Максим Грек и Федор Карпов при встречах вопросы государственного устройства, но близость их позиций наблюдаем в ряде сочинений, написанных независимо друг от друга и в разное время. Так, критика Максимом Греком монастырских землевладений, злоупотреблений владельческими правами, призывы к гуманным отношениям с «поселянами» имеют, по заключению историков, признаки утопических построений [11, с. 215]. В «Главах поучительных» и ряде других сочинений просматривается идея ученого монаха о социально-представительной монархии [11, с. 214–215; 12, с. 157–158], в науке пока до конца не исследованная.

Таким образом, близость взглядов и позиций Максима Грека и Федора Карпова по вопросам правды и справедливости в обустройстве общества (хотя дипломат «выводил государственные законы из разума и опыта» [10, с. 217], а Максим Грек из философии и богословия), сходство в стремлениях поддержать монархический тип правления, склонность к утопическим проектам в политической организации власти, проявление гуманистических подходов к решению ряда общественных проблем следует рассматривать как признаковое поле групповой идентичности. В плане динамических отношений обе личности в переписке занимали сильные позиции лидеров, и их совместными усилиями вырабатывались правила и нормы идентификации интеллектуальной элиты Московской Руси первой половины XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
2. Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. М., 2002. С. 5–14.
3. Синицына Н.В. Максим Грек. М., 2008. 236 с. (ЖЗЛ. Серия биографий)
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9: Конец XV – первая половина XVI века. 566 с.

5. Преподобный Максим Грек. Сочинения / отв. ред. Н.В. Синецкая. М., 2014. Т. 2. 432 с.
6. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 302 с.
7. Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 19–106.
8. Кимеева Е.Н. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова // ТОДФЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 220–234.
9. Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 160–172.
10. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. 368 с.
11. Синецкая Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
12. Казакова Н. А. Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной России: сб. стат., посв. 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 151–158.

REFERENCES

1. Saint Maximus the Greek. The Essays. Moscow, 2008, vol. 17, p. 178.
2. Repina L.P. Personal History and Intellectual Biography. *Dialog so vremenem*. Moscow, 2002, pp. 5–14.
3. Sinitsyna N.V. Maksim Grek. Moscow, 2008, p. 236. (ZhZL. A Series of Biographies)
4. The Library of Ancient Rus Literature. St. Petersburg, 2008, vol. 9: End of XV – first half of XVI century, 496 p.
5. Saint Maximus the Greek. The Essays. Resp. ed. N.V. Sinitsyna. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p.
6. Zhurova L.I. Maximus the Greek's Author's Text: Manuscript and Literary Tradition. Novosibirsk, 2011, pt. 2, 302 p.
7. Druzhinin V.G. Several Unknown Literary Monuments from the Collected Work of XVI Century. *Letopis' zanyatiy Arheograficheskoy komissii*. St. Petersburg, 1909, iss. 21, pp. 19–106.
8. Kimeeva E.N. A Letter to Metropolitan Daniel by Fedor Karpov. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, 1953, vol. 9, pp. 220–234.
9. Zimin A.A. Social-Political Views of Fedor Karpov. *TODRL*. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 12, pp. 160–172.
10. Klibanov A.I. Spiritual Culture of Medieval Rus. Moscow, 1996, 368 p.
11. Sinitsyna N.V. Maximus the Greek in Russia. Moscow, 1977, 332 p.
12. Kazakova N.A. Maximus the Greek and the Idea of Limited Monarchy. *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii. Sb. stat., posvyashchennyy 70-letiyu akademika L.V. Cherepnina*. Moscow, 1975, pp. 151–158.

Статья принята
редакцией 05.07.2018